

Толстой и Достоевский

Уникальные биографии

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ
БЕЗ ЛЮБВИ ЖИТЬ ЛЕГЧЕ**

**ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ
СЛЕЗИНКА РЕБЕНКА.
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1
Т53

Толстой, Лев.

Т53 Без любви жить легче / Л. Толстой / Слезинка ребенка. Дневник писателя / Ф. Достоевский — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 400 с. — (Уникальные биографии).

ISBN 978-5-17-100352-4.

«Два исполина», «глыбы», «гиганты», «два гения золотого века русской культуры», «величайшие писатели за всю историю культуры». Так называли современники двух великих русских писателей — Федора Достоевского и Льва Толстого. И эти высокие звания за ними сохраняются до сих пор: конкуренции им так никто и не составил. Более того, многие нынешние известные писатели признаются, что «два исполина» были их Учителями: они отталкивались от их произведений, чтобы создать свой собственный художественный космос. Конечно, как у всех ярких личностей, у Толстого и Достоевского были и враги, и завистники, называющие первого «барином, юродствующим во Христе», а второго — «тарантулом», «банкой с пауками». Но никто не прославил так русскую литературу, как эти гении. Их имена и по сегодняшний день произносятся во всем мире с восхищением.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1

Издание для досуга
12+

УНИКАЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ

Лев Толстой
БЕЗ ЛЮБВИ ЖИТЬ ЛЕГЧЕ

Федор Достоевский
СЛЕЗИНКА РЕБЕНКА. ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Ведущий редактор *Е. Парфенова*
Корректор *И. Мокина*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Компьютерная верстка *В. Брызгалова*
Дизайн обложки *И. Ковригин*

Подписано в печать 13.09.2016. Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 32,25.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

«ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru • E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гулзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru • E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«...Когда он умер, я понял, что он был самый близкий,
дорогой, нужный мне человек»*

«Два исполина», «глыбы», «гиганты», «два гения золотого века русской культуры», «величайшие писатели за всю историю культуры». Так называли современники двух великих русских писателей — Федора Достоевского и Льва Толстого. И эти высокие звания за ними сохраняются до сих пор: конкуренции им так никто и не составил. Более того, многие нынешние известные писатели признаются, что «два исполина» были их Учителями: они отталкивались от их произведений, чтобы создать свой собственный художественный космос. Конечно, как у всех ярких личностей, у Толстого и Достоевского были и враги, и завистники, называющие первого «баринном, юродствующим во Христе», а второго — «тарантулом», «банкой с пауками». Но никто не прославил так русскую литературу, как эти гении. Их имена и по сегодняшний день произносятся во всем мире с восхищением.

И тем страннее выглядит поразительный факт из их жизни: они ни разу не встретились! Хотя родились в двадцатых годах XIX века с разницей лишь в семь лет. И жили не так далеко: Толстой — под Тулой, Достоевский — в Питере. У них были общие знакомые. Например, общий литературный оппонент Иван Тургенев, руководитель журнала «Современник» Николай Некрасов, философ Николай Страхов. И почему-то ни одному из них не пришлось в голову взять да и привезти одного к другому.

Однажды 10 марта 1878 года Толстой и Достоевский даже посетили одно собрание — лекцию магистра Петербургского университета Владимира Соловьева. Они находились в одном зале, возможно, даже сидели почти рядом, но даже случайно глазами не встретились, в дверях не столкнулись. Достоевский был со Страховым. Почему тот даже не подумал, наконец, познакомить двух «гигантов»? Загадка.

А ведь они так восхищались творчеством друг друга! Достоевский был в восторге от романов «Война и мир» и «Анна Каренина», назы-

вал автора «богом искусства» и «необыкновенной высоты художником», а его творчество «гениальным». В статье об «Анне Карениной», которую он поместил в своем «Дневнике писателя» Федор Михайлович писал: «Такие люди, как автор Анны Карениной, — суть учителя общества, а мы лишь ученики их». Толстой же, по его собственному признанию, «умилялся», читая «Униженных и оскорбленных». А в одном из своих писем писал своему другу: «...читал «Записки из мертвого дома». Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина... Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю». А последней книгой, которую читал Толстой перед своей смертью, были «Братья Карамазовы». Вот как была велика сила притяжения между гениями, однако их пути все время расходились. Кроме того, не смотря на то, что оба переписывались со всеми видными писателями, друг другу они не отправили ни одного письма. Снова загадка, над которой литературоведы и биографы до сих пор ломают голову.

Конечно, в первую очередь исследователи списывают «не встречу» на случайное стечение обстоятельств. Так, например, в 1855 году Толстой приезжал в Петербург к Тургеневу и Некрасову. Но Достоевского в городе не было, он был в ссылке. Когда же он вернулся из заключения, Толстой уже в Питере не появлялся, проводил почти все время только в Ясной Поляне или в Москве. Но Достоевский же мог доехать до Москвы?

По другой версии, писатели, восхищаясь творчеством друг друга, все-таки относились друг к другу с прохладцей. И, возможно, стремясь к встрече, подсознательно противились этому желанию. Опасались разочаровать и разочароваться?

Так, по воспоминаниям современников, Достоевский не скрывал, что Толстой — больше художник, чем мыслитель. А Толстой критически относился к манере и стилю письма коллеги. И вообще, как писал позже Максим Горький в своей книге о Толстом, «о Достоевском он говорил неохотно, натужно, что-то обходя, что-то преодолевая». По сведениям биографов, Достоевский за год перед своей смертью, в 1880 году, даже все-таки собрался приехать в Ясную Поляну, но поверил распространившимся слухам о сумасшествии Льва Николаевича и

испугался встречаться с безумцем. 27 мая 1880 года Достоевский писал жене: «Сегодня Григорович сообщил, что Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошел и даже, может быть, совсем сошел». Хотя в это время и самого Федора Михайловича многие недоброжелатели считали бесноватым из-за эпилептических припадков. Да и кого из гениев не называли сумасшедшим?

А Лев Николаевич очень переживал, что Достоевский, которого считал равным себе, так до него и не доехал. После его смерти Толстой писал: «Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском <...>. Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. Я был литератором, и литераторы все тщеславны, завистливы, я, по крайней мере, такой литератор. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним — никогда. Все, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что, чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум — тоже, но дело сердца — только радость. Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом — я один обедал, опоздал — читаю: умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу».

Не смотря на то, что свидание «титанов мысли» так и не произошло в реальности, их пытались свести вместе «виртуально» критики и литераторы, анализируя их творчество в своих статьях, монографиях, книгах. Так, известный писатель и литературный критик Дмитрий Мережковский в своей монографии «Л. Толстой и Достоевский» исследует и сопоставляет творчества и мировоззрения обоих писателей. Философ и литературный критик Константин Леонтьев в изданной в 1882 году брошюре «Наши новые христиане» рассуждал об общественно-религиозной состоятельности их учений. Свое мнение о писателях выразил в свое время и философ Николай Бердяев: «Как глубоко различие между Достоевским и Толстым!.. Толстого не мучит вопрос о человеке, его мучит лишь вопрос о Боге. Для Достоевского же вопрос о Боге связан с вопросом о человеке. Толстой более теолог,

чем Достоевский». Философ и культуролог Григорий Померанц в своей книге «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» констатировал: «Наиболее полно русская жизнь, со всей ее красотой и безобразием, со всем ее размахом, отразилась в романах Толстого и Достоевского. Развитие их было очень сложным; понять его, вложить в схему — особенно трудно».

Толстой и Достоевский должны были встретиться и встретились — в этой книге.

Лев Толстой
БЕЗ ЛЮБВИ
ЖИТЬ ЛЕГЧЕ

ИСПОВЕДЬ

I

Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства, и во все время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили.

Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедовали передо мной большие; но доверие это было очень шатко.

Помню, что, когда мне было лет одиннадцать, один мальчик, давно умерший, Володенька М., учившийся в гимназии, придя к нам на воскресенье, как последнюю новинку объявил нам открытие, сделанное в гимназии. Открытие состояло в том, что бога нет и что все, чему нас учат, одни выдумки (это было в 1838 году). Помню, как старшие братья заинтересовались этою новостью, позвали и меня на совет. Мы все, помню, очень оживились и приняли это известие как что-то очень занимательное и весьма возможное.

Помню еще, что, когда старший мой брат Дмитрий, будучи в университете, вдруг, с свойственною его натуре страстностью, предался вере и стал ходить ко всем службам, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то мы все, и даже старшие, не переставая поднимали его на смех и прозвали почему-то Ноем. Помню, Мусин-Пушкин, бывший тогда попечителем Казанского университета, звавший нас к себе танцевать, насмешливо уговаривал отказывавшегося брата тем, что и Давид плясал пред ковчегом. Я сочувствовал тогда этим шуткам старших и выводил из них заключение о том, что учить катехизис надо, ходить в церковь надо, но слишком серьезно всего этого принимать не следует. Помню еще, что я очень молодым читал Вольтера, и насмешки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

Отпадение мое от веры произошло во мне так же, как оно происходило и происходит теперь в людях нашего склада образования. Оно, как мне кажется, происходит в большинстве случаев так: люди живут так, как все живут, а живут все на основании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большею частью противоположных ему; вероучение не участвует в жизни, и в сношениях с другими людьми никогда не приходится сталкиваться, и в собственной жизни самому никогда не приходится справляться с ним; вероучение это исповедуется где-то там, вдали от жизни и независимо от нее. Если сталкиваешься с ним, то только как с внешним, не связанным с жизнью, явлением.

По жизни человека, по делам его, как теперь, так и тогда никак нельзя узнать, верующий он или нет. Если и есть различие между явно исповедующими православие и отрицающими его, то не в пользу первых. Как теперь, так и тогда явное признание и исповедание православия большею частью встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными. Ум же, честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими.

В школах учат катехизису и посылают учеников в церковь; от чиновников требуют свидетельств в бытии у причастия. Но человек нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службе, и теперь, а в старину еще больше, мог прожить десятки лет, не вспомнив ни разу о том, что он живет среди христиан и сам считается исповедующим христианскую православную веру.

Так что как теперь, так и прежде вероучение, принятое по доверию и поддерживаемое внешним давлением, понемногу тает под влиянием знаний и опытов жизни, противоположных вероучению, и человек очень часто долго живет, воображая, что в нем цело то вероучение, которое сообщено было ему с детства, тогда как его давно уже нет и следа.

Мне рассказывал С., умный и правдивый человек, как он перестал верить. Лет двадцати шести уже, он раз на ночлеге во время охоты, по старой, с детства принятой привычке, стал вечером на молитву. Старший брат, бывший с ним на охоте, лежал на сене и смотрел на него. Когда С. кончил и стал ложиться, брат его сказал ему: «А ты еще все делаешь это?» И больше ничего они не сказали друг другу. И С. перестал с этого дня становиться на молитву и ходить в церковь. И вот тридцать лет не

молится, не причащается и не ходит в церковь. И не потому, чтобы он знал убеждения своего брата и присоединился бы к ним, не потому, чтоб он решил что-нибудь в своей душе, а только потому, что слово это, сказанное братом, было как толчок пальцем в стену, которая готова была упасть от собственной тяжести; слово это было указанием на то, что там, где он думал, что есть вера, давно уже пустое место, и что потому слова, которые он говорит, и кресты, и поклоны, которые он кладет во время стояния на молитве, суть вполне бессмысленные действия. Сознав их бессмысленность, он не мог продолжать их.

Так было и бывает, я думаю, с огромным большинством людей. Я говорю о людях нашего образования, говорю о людях, правдивых с самими собою, а не о тех, которые самый предмет веры делают средством для достижения каких бы то ни было временных целей. (Эти люди — самые коренные неверующие, потому что если вера для них — средство для достижения каких-нибудь житейских целей, то это уж наверно не вера.) Эти люди нашего образования находятся в том положении, что свет знания и жизни растопил искусственное знание, и они или уже заметили это и освободили место, или еще не заметили этого.

Сообщенное мне с детства вероучение исчезло во мне так же, как и в других, с той только разницей, что так как я очень рано стал много читать и думать, то мое отречение от вероучения очень рано стало сознательным. Я с шестнадцати лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть. Я перестал верить в то, что мне было сообщено с детства, но я верил во что-то. Во что я верил, я никак бы не мог сказать. Верил я и в бога, или, скорее, я не отрицал бога, но какого бога, я бы не мог сказать; не отрицал я и Христа и его учение, но в чем было его учение, я тоже не мог бы сказать.

Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что вера моя — то, что, кроме животных инстинктов, двигало моею жизнью, — единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем было совершенствование и какая была цель его, я бы не мог сказать. Я старался совершенствовать себя умственно — я учился всему, чему мог и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю — составлял себе правила, которым старался следовать; совершенствовал себя физически, всякими упражнениями изоощряя силу и ловкость и всякими лишениями приучая себя

к выносливости и терпению. И все это я считал совершенствованием. Началом всего было, разумеется, нравственное совершенствование, но скоро оно подменялось совершенствованием вообще, т. е. желанием быть лучше не перед самим собою или перед богом, а желанием быть лучше перед другими людьми. И очень скоро это стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т. е. славнее, важнее, богаче других.

II

Когда-нибудь я расскажу историю моей жизни — и трогательную и поучительную в эти десять лет моей молодости. Думаю, что многие и многие испытали то же. Я всею душой желал быть хорошим; но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался выказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли. Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть — все это уважалось. Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого, и я чувствовал, что мною довольны. Добрая тетюшка моя, чистейшее существо, с которой я жил, всегда говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как того, чтоб я имел связь с замужнею женщиной: «Rien ne forme un jeune homme comme une liaison avec une femme comme il faut»¹; еще другого счастья она желала мне — того, чтоб я был адъютантом, и лучше всего у государя; и самого большого счастья — того, чтоб я женился на очень богатой девушке и чтоб у меня, вследствие этой женитьбы, было как можно больше рабов.

Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал

¹ Ничто так не образует молодого человека, как связь с порядочной женщиной (фр.).

вал. Ложь, воровство, любоддеяния всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал, и за все это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком.

Так я жил десять лет.

В это время я стал писать из тщеславия, корыстолюбия и гордости. В писаниях своих я делал то же самое, что и в жизни. Для того чтобы иметь славу и деньги, для которых я писал, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я так и делал. Сколько раз я ухитрился скрывать в писаниях своих, под видом равнодушия и даже легкой насмешливости, те мои стремления к добру, которые составляли смысл моей жизни. И я достигал этого: меня хвалили.

Двадцати шести лет я приехал после войны в Петербург и сошелся с писателями. Меня приняли как своего, льстили мне. И не успел я оглянуться, как сословные писательские взгляды на жизнь тех людей, с которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мне все мои прежние попытки сделаться лучше. Взгляды эти под распушенность моей жизни подставили теорию, которая ее оправдывала.

Взгляд на жизнь этих людей, моих сотоварищей по писанию, состоял в том, что жизнь вообще идет развиваясь и что в этом развитии главное участие принимаем мы, люди мысли, а из людей мысли главное влияние имеем мы — художники, поэты. Наше призвание — учить людей. Для того же, чтобы не представился тот естественный вопрос самому себе: что я знаю и чему мне учить, — в теории этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художник и поэт бессознательно учит. Я считался чудесным художником и поэтом, и потому мне очень естественно было усвоить эту теорию. Я — художник, поэт — писал, учил, сам не зная чему. Мне за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помещение, женщины, общество, у меня была слава. Стало быть, то, чему я учил, было очень хорошо.

Вера эта в значение поэзии и в развитие жизни была вера, и я был одним из жрецов ее. Быть жрецом ее было очень выгодно и приятно. И я довольно долго жил в этой вере, не сомневаясь в ее истинности. Но на второй и в особенности на третий год такой жизни я стал сомневаться в непогрешимости этой веры и стал ее исследовать.